

Светлана Титаренко

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма

Friedrich Nietzsche's Philosophical Idea
of the Eternal Return in the Poetry of the Russian Symbolism

Abstract: The author of the article analyzes influence of Friedrich Nietzsche's idea of the eternal return on philosophy and poetry of Russian symbolists. It is stated that this idea is concordant with Vladimir Solovyov's philosophy of unitotality. The artistic implementation of the idea of the eternal return is considered in the poetry of Dmitrii Merezhkovskii, Zinaida Gippius, Valerii Bryusov, Fyodor Sologub, Konstantin Balmont, Alexander Blok, Vyacheslav Ivanov, Andrey Bely. The models of time varied and changed in the poetry of Russian symbolists. They are represented by the motives of a closed circle or a labyrinth (Gippius, Sologub, Blok), sacred time of history, culture, religion (Merezhkovskii, Bryusov, Blok, Ivanov), death and resurrection (Ivanov), mystic reincarnation (Bely). Motives of lost paradise and the eternal return become dominant in the Balmont's poetry, archetype of the divine child, and cosmic world play the main role. Ivanov's works mainly have motives of soul returning to the existence (God), ritual and mythological motives of death and resurrection. It is concluded that Nietzsche's idea influenced the poetic thinking and mythopoetic strategies of symbolists. Nietzsche's idea in the philosophy and poetry of symbolists approached Christian religion and esoteric theories.

Keywords: Nietzsche's philosophy, eternal return, poetry of Russian Symbolism, mythological time, archetypic models of time

Известно, что идея вечного возвращения озарила Ницше во время его путешествия в местечке Силс-Мария в Швейцарии, о чем он писал: „Я не знаю ничего более сообразного моей природе, чем этот кусочек высшей земли”¹. Фридрих Ницше, создавший учение о вечном возвращении, выразил в нем

¹ Ф. Ницше, *Сочинения*, в 2 томах, ред. К.А. Свасьян, т. 2, Москва 1990, с. 821.

мысль о возможности преодоления конечности трагического существования человека, так как мир, как он считал, основан на многократно повторяющемся круговороте всех явлений. Поэтому вечное возвращение – это модель метафизического понимания времени как некоего сакрального происшествия: „От этих врат Мгновенья уходит длинный, вечный путь назад: позади нас лежит вечность. Не должно ли было все, что может идти, уже однажды пройти этот путь? [...] не должны ли мы вечно возвращаться...”².

Идея вечного возвращения Ницше – одна из самых сокровенных в его философии. Об этом писали многие мыслители, среди которых Жиль Делез, Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс и другие³. Хайдеггер считает это учение основным в философии Ницше. Его особенность, как он пишет, – „игра с возможным представлением” или же „настоящее сокрытие” его смысла⁴. Анализируя ранние наброски Ницше, он публикует один из них, где говорится: „Желание все пережить еще раз и переживать вечно” „Sils-Maria, 26. August 1881”⁵. Мысль о вечном круговороте является лейтмотивной в сочинениях Ницше: *Так говорил Заратустра* (*Also sprach Zarathustra*, 1883-1885), *По ту сторону добра и зла* (*Jenseits von Gut und Böse*, 1886), *Веселая наука* (*Die fröhliche Wissenschaft*, 1882, 1887), *Ecce Homo* (1888) и др. Исследователи считают, что учение Ницше укоренено в античной и христианской мысли, но было осмыслено им как личный опыт экзистенциальной тревоги, поэтому оно раскрывается в переживании⁶.

К идее вечного возвращения Ницше обращались многие поэты-символисты, осмысливая ее как иллюзию или игру, как ужас бессмысленного повторения, как озарение и как откровение. Среди них можно назвать Дмитрия Мережковского, Зинаиду Гиппиус, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Федора Сологуба, Андрея Белого, Александра Блока, Вячеслава Иванова. Их привлекала возможность понять символическую модель времени в философии Ницше и обрести истину в истолковании таких проблем, как смерть и бессмертие, конечность и бесконечность, существование и сущее, мгновение и вечность, человеческое и сверхчеловеческое.

В истолковании идеи вечного возвращения был важен религиозно-философский аспект, так как феномен Ницше был воспринят мыслителями на-

² Ф. Ницше, *Так говорил Заратустра*, [в:] его же, *Сочинения...*, т. 2, с. 112-113.

³ Ж. Делез, *Ницше*, Санкт-Петербург 1997; М. Хайдеггер, *Ницше*, том 1, Санкт-Петербург 2006; К. Ясперс, *Ницше. Введение в понимание его философствования*, Санкт-Петербург, 2004.

⁴ М. Хайдеггер, *Ницше...*, с. 223, с. 231.

⁵ Там же, с. 228.

⁶ В.В. Петров, *Фридрих Ницше и вечное возвращение*, [в:] *Мера вещей. Человек в истории европейской мысли*, ред. Г.В. Вдовина, Москва 2015, с. 774-776.

чала XX века как проблема, вызванная кризисом христианского сознания и выдвинутой немецким философом идеей „смерти Бога”⁷. Показательно, что именно в журнале Мережковского „Новый путь” была опубликована статья *Вечное возвращение* под авторством Ницше⁸. Вечное возвращение, то есть понимание того, что жизнь придется „пережить еще и еще несметное число раз”, трактуется Ницше как мысль „величайшей тяжести”, как откровение „великого демона”⁹.

Идея вечного возвращения Ницше была близка, но не тождественна понятию „вечность” в истолковании Владимира Соловьева. Философия всеединства Соловьева основана на идее вечного возвращения к Богу и вечного круговорота. Ницше отрицал идею христианского спасения, утверждая идеал сверхчеловека. Соловьев в статье *Идея сверхчеловека* (1899), анализируя идеи Ницше, считал идеал Ницше разрушительным для христианского сознания, признавая сверхчеловеческий путь, которым „шли, идут и будут идти многие на благо всех”¹⁰, и видя смысл этого пути в поисках Бога и воплощения, о чем он писал в книге *Чтения о Богочеловечестве* (1878-1981).

Учение о вечном возвращении было важно для религиозно-философских исканий Мережковского, Гиппиус, Иванова, Белого. Показательно, что в книге *Толстой и Достоевский* (1900-1902) Мережковский многократно обращается к этой, как он считал, навязчивой и бредовой, вселяющей ужас, идее Ницше, которая, по его мнению, преследовала немецкого философа всю жизнь:

Однажды Заратустре является карлик, отвратительный „горбун”, дух „земной тяжести”, и напоминает ему об этом непобежденном, метафизическом бреде, о „вечных возвращениях”. Заратустра, ничего не возражая ему, охваченный ужасом и омерзением, падает на землю, как мертвый. [...] *все это уж было когда-то*¹¹.

Переживая в сознании метафизическую идею вечного возвращения, как пишет Мережковский, человек в мире Достоевского доходит до важнейшей для его существования мысли о Вечности и о Боге. Поэтому интуиция немецкого философа стала для Мережковского основой познания трагизма

⁷ Н.К. Бонеевская, *Русский Ницше*, „Вопросы философии” 2013, № 7, с. 133-143.

⁸ Ф. Ницше, *Вечное возвращение*, „Новый путь” 1903, № 5, с. 34-51.

⁹ Там же, с. 34.

¹⁰ В.С. Соловьев, *Идея сверхчеловека*, [в:] его же, *Стихотворения. Эстетика. Литературная критика*, Москва 1990, с. 160.

¹¹ Д.С. Мережковский, *Л. Толстой и Достоевский*, [в:] его же, *Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники*, Москва 1995, с. 132.

существования человека, живущего без Бога и без идеи спасения. Вечное возвращение Ницше понималось им и как замкнутый круг сознания („ужас” вечных повторений), и как „метафизический бред”, и как ключ к загадкам трагического сознания, и как символ Вечности и познания Бога.

Вечное возвращение трактовалось символистами как многозначный мифопоэтический и религиозно-философский символ. Вечное возвращение, – писал Андрей Белый в статье *Символизм как миропонимание* (1904), – „это идеальный символ, к которому, как к фокусу, сходятся лучи ницшеанства. Всякое объяснение его – только мост к непосредственному очарованию этой идеи”¹². Белый понимал, что идею о вечном возвращении нужно рассматривать „как две стороны нашего бытия, две идеи нашего существования, имеющие одинаковые права на нашу психику”: как прямую линию, и как круговой возврат¹³. Он писал: „Характерно, если прямая символизирует безвозвратное прохождение мимо, то круг – вечное возвращение, «кольцо возврата». [...] Продолжая так до бесконечности, мы получим графическое изображение прямой и ряд колец, нанизанных друг на друга”¹⁴.

Множественность толкований идеи Ницше была обусловлена сложностью его мистического учения. Хайдеггером учение Ницше рассматривалось как метафизическое откровение, которое, соотносится с пониманием истины „о сущем в целом”¹⁵. Причем, как он пишет, „оно проистекает из самого жесткого противоборства с платоническо-христианским способом мышления и его влиянием в Новое время”¹⁶. По мысли Мирча Элиаде, исследовавшего архетипы, „сознательное повторение определенных парадигматических действий свидетельствует о своеобразной онтологии”, приобщая сознание к „трансцендентной реальности”¹⁷. Поэтому можно считать вечное возвращение Ницше моделью интерпретации времени. Задачей символистов становится сближение учения Ницше и христианства, над этой проблемой думали и Мережковский, и Иванов, и Белый.

Мы возьмем только некоторые аспекты символического истолкования проблемы вечного возвращения, чтобы понять, какие архетипы вечного возвращения как модели времени, воплотились в поэзии символистов. Для нас важными представляются два намеченных самим Ницше и исследовате-

¹² А. Белый, *Символизм как миропонимание*, [в:] его же, *Символизм как миропонимание*, Москва 1994, с. 252.

¹³ Там же, с. 252.

¹⁴ Там же.

¹⁵ М. Хайдеггер, *Ницше...*, с. 223.

¹⁶ Там же, с. 224.

¹⁷ М. Элиаде, *Космос и история*, Москва 1987, с. 33.

лями его учения аспекта: понимание вечного возвращения как возвращения „того же самого”, то есть возвращения к „избирательному Бытию”, о чем пишет, например, Делез¹⁸, и истолкование его как возвращение „иного” созидательной волей поэта. Поэтому нужно разграничить вечное возвращение как движение по кругу и дублирование, „механическое повторение” того же самого, как называет этот мотив Аге Ханзен-Лёве. Это, – пишет он, – „даже не вечность «возвращения» (палингенезиса), а вечность чисто механического, банального повтора, бесконечности «зеркального удвоения» и тавтологии”, которая характерна для раннего символизма 1890-х годов¹⁹.

Трагическая метафизика вечного возвращения начинается в движении по замкнутому кругу, знаменует повторение и невозможность выхода. Выход должен найти каждый – это бытие становления, как пишет Делез, анализируя философию Ницше²⁰. Поэтому вечное возвращение амбивалентно и включает в себя одновременно и полюс бытия как преодоление смерти, и полюс небытия как погружения в хаос. Дмитрий Максимов писал о значимости этой идеи у Мережковского, Гиппиус, Сологуба, Бальмонта, Белого, Блока, которых ужасала бесконечность повторений земной жизни как круговорота²¹. А. Ханзен-Лёве, исследуя систему мотивов русского символизма, также указывает, что модель вечного возвращения, основанная на архетипе круга, например, в поэзии Бальмонта, Гиппиус и Сологуба, – это чаще всего „символ диаволической «заключенности»” и „пустого повторения”, когда начало сходится с концом, а центр – Я поэта²². Вячеслав Фаритов также обратил внимание на вечное повторение в поэзии Блока²³. Трансформация у Бальмонта мотива замкнутого кружения рассматривалась Натальей Молчановой²⁴.

Поэт и философ Зинаида Гиппиус высказала философское сомнение, что человек не сможет преодолеть в себе ощущение профанного времени в своем движении ко времени сакральному. Показательны, например, ее стихотворения *Круги* (1899), *Цепь* (1902), *Часы стоят* (1902). Вечное возвращение

¹⁸ Ж. Делез, *Ницше...*, с. 54- 56.

¹⁹ А. Ханзен-Лёве, *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*, Санкт-Петербург 1999, с. 389.

²⁰ Ж. Делез, *Ницше...*, с. 51.

²¹ Д.Е. Максимов, *Поэзия и проза Александра Блока*, Ленинград 1981, с. 80-86.

²² А. Ханзен-Лёве, *Русский символизм...*, с. 104-105, с. 295.

²³ В.Т. Фаритов, *Поэтика и эстетика незавершенного возвращения в творчестве А. Блока*, „Филология: научные исследования” 2016, № 3, с. 284-290.

²⁴ Н.А. Молчанова, *Мотив «возвращения» в книге К.Д. Бальмонта «Только любовь»*, [в:] *Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века*, ред. С.Н. Тяпков, Иваново 2002, вып. 5, с. 15-23.

также трактовалось ею и как неизменное стремление к божественному центру. Приведем в качестве примера строки из ее стихотворения *О вере* (1902):

Мечтать ли нам о повторениях?

Иной мы жаждем высоты.

Для нас – в слияннях и сплетеньях

Есть откровенья простоты²⁵.

В поэзии Мережковского вечное возвращение представляют различные модели времени. Это, например, возвращение назад, в мир идиллического детства, в поэме *Священные октавы* (1890-е). Кроме того, священным для Мережковского становится прошлое время религии, истории и культуры, в которое возвращается сознание (стихотворения *Парфенон*, *Рим*, *Пантеон*, *Будущий Рим*). Сакральный центр метафизического возвращения как модель прошлого и будущего времени в поэзии Мережковского – это Бог как воплощение Вечности.

Неизменность поклонения красоте – принцип ранней поэзии Брюсова, например, в цикле *Новые заветы* из книги стихов *Me eum esse* (1897), где говорится: „Он будет блуждать и томиться, искать отраженья во мгле...”, „Но в нашем вседневном тумане / Мечтам повторения – нет, / И только за гранью желаний / Мы встретим желанный ответ”²⁶. Циклическое развитие мотива вечного возвращения присутствует в стихотворениях из его книги *Tertia vigilia* (1898-1901) в цикле *Любимцы веков*. Стихотворение *Возвращение* – это введение к теме. Идея истории как вечного возвращения надвременного была намечена в книге Ницше *Веселая наука*. Брюсов, испытавший влияние идей Ницше, считал, что культура развивается как вечное возвращение к образам великой культуры и сильной личности. Идея истории у Брюсова – идея вечных надвременных повторений.

Д. Максимов наметил аспекты мифопоэтического анализа мотива вечного возвращения в развитии темы пути в творчестве Блока, показав, что у поэта-символиста это некий субъективный комплекс переживаний, воплотившихся в образах движения по кругу как „проклятие неподвижности”²⁷. Вместе с тем можно отметить у Блока стремление к повторности, или возвращению к темам (теза-антитеза-синтез) в стихотворениях первых книг трилогии, подготовленной им к изданию. Он назвал ее не случайно „трилогией вочеловечения”, записав в рукописи *Предисловия*: „Круг сомкнут”²⁸.

²⁵ З.Н. Гиппиус, *Сочинения: Стихотворения. Проза*, ред. К.М. Азадовский, А.В. Лавров, Ленинград 1991, с. 107.

²⁶ В.Я. Брюсов, *Собрание сочинений*, Москва 1973, т. 1, с. 102.

²⁷ Д.Е. Максимов, *Поэзия и проза Александра Блока...*, с. 87-92.

²⁸ О.А. Кузнецова, *История формирования лирической трилогии Блока*, [в:] А. Блок, *Полное собрание сочинений и писем в 20 томах*, Москва 1997, т. 1, с. 387.

У неоромантика Бальмонта мотив вечного возвращения основан на сюжетном коде возврата переживаемого мгновения мечты и красоты. О философии мгновения Ницше писал в книге *Так говорил Заратустра* как о красоте малого, делающего человека счастливым: „Ибо все самое малое, самое тихое, самое легкое, шорох ящерицы, дуновение, мгновение, миг – малое, вот что составляет качество лучшего счастья”²⁹. Красота мгновения, как он считал, позволяет человеку приобщиться к вечности: „Взгляни, – продолжал я, – на это Мгновение! От этих врат Мгновения уходит длинный, вечный путь назад: позади нас лежит вечность”³⁰.

Мотив переживания утраченного рая как мгновения прошедшей человеческой жизни и вечного возвращения к нему показателен для лирики Бальмонта. В книге статей *Горные вершины* (1904) он писал: „Обращаясь к прошлому, каждый из нас находит какое-нибудь воспоминание, особенно сильно запавшее нам в душу... Уходя мечтой в своё прошлое, я вспоминаю раннее детство в родной деревне...”³¹. Поэтому мотив философии Ницше связан у поэта с возвращением в идиллический мир детства. Он появляется в его сборниках, например, *Под северным небом* (1894), *Будем как Солнце* (1903), *Только любовь* (1903) и других. Трагизм воплощения этого мотива – понимание детства как утраченного рая. В стихотворении *Заклятие* из книги *Будем как Солнце* есть строки о возвращении в мир вечного детства как пространство онтологической памяти. Время и пространство осмыслены поэтом как движение по кругу в стихотворении *Память* из этой же книги. Возвращение осуществляется как ритуальное возрождение мгновения, чтобы преодолеть травматический мир страдания. Поэтому путь Бальмонта – это движение по кругу времени, оно циклично. Это одновременно и возврат к первоначальному – к детскому раю, и его слияние с природно-космическим началом – „бездонным, безбрежным”, неким символическим платоновско-христианским образом „голубого” рая как места „предсуществования” души, например, в стихотворении *Возвращение* из книги *Только любовь*:

Мне хочется снова быть кротким и нежным,
 Быть снова ребенком, хотя бы в другом,
 Но только б упиться бездонным, безбрежным,
 В раю белоснежном, в раю голубом...³².

²⁹ Ф. Ницше, *Так говорил Заратустра...*, с. 200.

³⁰ Там же, с. 112.

³¹ К.Д. Бальмонт, *О русских поэтах*, [в:] его же, *Горные вершины*, Москва 1904, с. 59.

³² К.Д. Бальмонт, *Стихотворения*, Москва 1989, с. 426.

Для Бальмонта также характерно стремление возвратиться в культуры Египта, Мексики, Халдеи, Индии, Ирана, Китая и Японии.

Хайдеггер, анализируя учение Ницше о вечном возвращении цитирует найденный в черновиках Ницше фрагмент, где говорится: „И где то кольцо, которое его [человека] еще объемлет? Быть может, это мир? Или Бог?“³³. Для Бальмонта или Блока важна индивидуальная память, а для Вячеслава Иванова – память человека как библейского Адама, например, в философской поэме-мелопее *Человек* (1915-1919). Блуждания человека ведут его к сущему (Богу). Возвращение в мир детства не характерно для Иванова, в отличие от Бальмонта. В качестве нетипичного примера можно назвать поэму *Младенчество* (1913-1919). В ней платоновский мотив возвращения души к времени детства как платоновскому предсуществованию осложняется христианскими и гностико-герметическими идеями познания. У Иванова – первозданное бытие, его духовная прародина, это не идиллический топос детства, куда стремится душа, как у Бальмонта или Мережковского в поэме *Старинные октавы*, а священный мир религии и культуры, вечное возвращение к которому – трагедия разрыва с родовым и младенческим состоянием души.

Одну из глубочайших тайн познания мирового круговорота времени Иванов представил в философской поэме *Сон Мелампа* (1911) из книги *Cor Ardens* (1911-1912), где говорится: „Может ли вечность родиться? И сгинуть вечность не может“³⁴. Поэма основана на архетипах кругообразного времени, обозначенных словами „Ройя“ – „Антиройя“. Это встречные потоки волн, возникающие во сне героя, они означают одновременно и время, и причину. Их осознание переживается как отражение космологических представлений, отсылающих и к античным источникам, и к философии Ницше. Образы волн создают противоток времени: „Поверху волны стремятся на полдень, ниже – на полночь: / Разно текущих потоков немало в темной пучине, / И в океане пурпурном подводные катятся реки. / Тайно из вечности в вечность душа воскресает живая...“³⁵. Интересна семантика слов „Ройя“ – „Антиройя“, значение которых проанализировал Ханзен-Леве. Как он пишет, мотив противотока организуется кругом, символизирующим переход в вечное время и связывающимся с круговоротом рождений, смертей и перерождений³⁶. Интересный анализ циклических структур времени развертыва-

³³ М. Хайдеггер, *Ницше...*, с. 228.

³⁴ В.И. Иванов, *Собрание сочинений*, т. 2, Брюссель 1974, с. 295.

³⁵ Там же, с. 295-296.

³⁶ А. Ханзен-Лёве, *Русский символизм...*, с. 81-82.

ния и свертывания как принципа нисхождения и восхождения представлен также в статье Виктора Троицкого³⁷.

Будучи последователем Платона, Иванов воспринимает дионисийство и христианство как повторяющиеся циклы развития религии и культуры. Его работы по античной религии *Эллинская религия страдающего бога* (1917) и *Дионис и прадионисийство* (1923) основаны на ритуальной идее вечного возвращения – смерти и возрождения Диониса – протоформы Христа. „Языческое мирозерцание и богопознание, – писал Иванов в наброске *О многобожии*, вошедшем в структуру *Эллинской религии страдающего бога*, – ограничено природным кругом явлений и является циклическим по существу: христианство возвестило человеку надежду. [...] Вечная надежда Диониса в вечное соединение с Отцом”³⁸. Иванов считал учение Ницше трагическим и видел в его учении источник новой религиозной философии. Поэтому античные истоки теории вечного возвращения он постигает на основе „толчка”, полученного от Ницше. Через Ницше, как показывают уже ранние наброски к *Эллинской религии страдающего бога*, он пытался сделать новое открытие центральной для него (и в то же время ницшеанской) идеи „страдающего Бога” как идеи вечного возвращения. В статье Иванова *Ницше и Дионис* (1904) говорится:

Дух Ницше весь обращен к будущему; он весь в темнице времен. С трагической силой повествует он, как открылась ему тайна круговорота жизни и вечного возврата вещей, этот догмат древней философии. [...] Кажется, что трагическое восприятие идеи вечного возврата было в душе Ницше последней и болезненной вспышкой дионисийского исступления³⁹.

С идеей вечного возвращения в философии искусства Иванова связан эстетический принцип нисхождения и восхождения (*Эстетика символических начал*), концепция смерти и возрождения (*Дионис и прадионисийство*), развитие символа от реального – к реальнейшему (*О границах искусства*). Поиски религий у него – это движение по кругу (*Неведомому богу*), духовные поиски – блуждания и возврат (*Пламенники*), рождение бога в душе циклично (*Тризна Диониса*), искушения бабочки-души в поисках Эроса – священный круг блуждания (*Психея*), возвращение человека к Богу – это вечное

³⁷ В.П. Троицкий, *Гераклитова „энантиодромия” в космологических образах Серебряного века*, [в:] *Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи*, ред. Е.А. Тахо-Годи, Москва 2010, с. 120-127.

³⁸ В.И. Иванов, *О многобожии*, „Новое литературное обозрение” 1994, № 10, с. 38.

³⁹ В.И. Иванов, *Ницше и Дионис*, [в:] его же, *Сочинения*, ред. О. Дешарт, Брюссель 1971, т. 1, с. 724.

блуждание и вечное возвращение (поэма *Человек*). Поэтому символика круга у него усложняется, так как круг означает возвращение в вечность, в циклическое „сверхвремя“. Эта модель времени присуща мифопоэтическому мышлению и встречается в поэзии символистов в 1900-е годы, как пишет Ханзен-Лёве не только как „вечное возвращение, но и возвращение вечного как принцип религиозного откровения“⁴⁰. Эта модель времени приобретает космологический характер в поэзии Бальмонта, Иванова и Андрея Белого.

Вечное возвращение, по словам Андрея Белого, имеет „внешнюю“ оболочку и выступает и как „Голгофа индивидуализма“, и как учение о повторяющемся времени как вечности в сознании человека, и о времени как воплощении Христа⁴¹. Вечное возвращение как видение истинного бытия, пережитое Ницше в местечке Силс Мария, понимается им как мистическое озарение. Андрей Белый вслед за Ницше обозначил его днем „Великого Полудня“, ссылаясь на сочинения апостола Павла⁴². Космология Ницше (вознесенный над миром пророк, горные вершины) находит отражение в первой книге стихов Белого *Золото в лазури* (1904), в которой, используя образы Ницше, он пишет о преодолении времени и наступлении эры вечности. В стихотворении *Возврат* говорится: „Мой гном, мой гном, возьми трубу возврата, / И гном трубит, надув худые щеки...“⁴³.

Для Белого в 1900-е годы характерно интенсивное переживание идеи вечного возвращения Ницше с точки зрения пифагорейской теории реинкарнации („повторения душ“). Показательна, например, его поэма-симфония *Возврат* (1905). В первой части произведения, написанного ритмизованной прозой, создается мир архетипических образов старика и ребенка как вечных сущностей, пребывающих в мире довременном:

Но старик молчал. Дрожал от нехорошего холодка, обвевавшего их. Бормотал про себя: „Нет, его не спасешь... Он должен повториться... Случится одно из ненужных повторений его“...⁴⁴.

Неизвестный в войлочном колпаке рассказывает ребенку сказку о Хандрикове, в которого тот должен воплотиться в реальном мире. Воплощаясь в Хандрикова, душа ребенка помнит о мире довременном как о сущем. Поэтому время существования Хандрикова завершается его смертью и воз-

⁴⁰ А. Ханзен-Лёве, *Русский символизм...*, с. 73.

⁴¹ А. Белый, *Фридрих Ницше*, [в:] его же, *Символизм как миропонимание...*, с. 194-195.

⁴² Там же, с. 252.

⁴³ А. Белый, *Золото в лазури*, Москва 2004, с. 145.

⁴⁴ А. Белый, *Возврат*, [в:] его же, *Симфонии*, ред. А.В. Лавров, Ленинград 1991, с. 204.

вращением души ребенка в довременный мир. Мотив вечного возвращения Ницше в поэме-симфонии Белого коррелирует с пифагорейскими идеями, платоновским мифом о душе, с гностическим мифом о плененной Софии и с буддистскими теориями реинкарнации, которые были основой теософской доктрины Е. Блаватской. Белый писал здесь о повторении в человеке его сущности – духа вечного ребенка, о перевоплощении души и о ее пути возврата. В книге *Так говорил Заратустра* Ницше называет три превращения духа, одно из которых – превращение льва в ребенка: „Почему хищный лев должен стать еще ребенком? Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения”⁴⁵.

Божественный ребенок – один из важнейших архетипов аналитической психологии Карла Г. Юнга. Юнг рассматривает его как важнейшую функцию сознания, заключающуюся в выражении состояний прошлого для компенсации и изживания негативных представлений. Функция психологической компенсации близка религиозной по значению. Он считает, что архетип ребенка персонифицирует „невидимые корни сознания”, „репрезентирует предсознательный аспект детства коллективной души”⁴⁶. Размышляя много лет спустя в книге *История самосознающей души* (1926) об идее вечного возвращения Ницше, он проанализировал ее с точки зрения антропософских идей Рудольфа Штайнера: „Так учение о вечном возврате у Ницше ужаснейше противоречит учению о сверхчеловеке”, – писал он, так как вечный возврат – это повторение сущности и явления в вечном времени и пространстве, а сверхчеловек – конкретная индивидуальность и “ликвидация царства «астрального круга»”⁴⁷. Только перевоплощение дает возможность вечного возвращения как вечного становления, как он считал.

Поэтому вечное возвращение Ницше становится в поэзии символистов и формой выражения философского сомнения, и способом экзистенциальной рефлексии, и одним из принципов авторского мифотворчества.

⁴⁵ Ф. Ницше, *Так говорил Заратустра...*, с. 19.

⁴⁶ К. Юнг, *Божественный ребенок*, Москва 1997, с. 356-357.

⁴⁷ А. Белый, *История становления самосознающей души*, [в:] его же, *Душа самосознающая*, Москва 2004, с. 233-234.

Библиография

- Бальмонт К.Д., *О русских поэтах*, [в:] его же, *Горные вершины*, Москва 1904.
- Бальмонт К.Д., *Стихотворения*, Москва 1989.
- Белый А., *Симфонии*, ред. А.В. Лавров, Ленинград 1991.
- Белый А., *Символизм как миропонимание*, [в:] его же, *Символизм как миропонимание*, Москва 1994.
- Белый А., *Фридрих Ницше*, [в:] его же, *Символизм как миропонимание*, Москва 1994.
- Белый А., *Золото в лазури*, Москва, 2004.
- Белый А., *История становления самосознающей души*, [в:] его же, *Душа самосознающая*, Москва 2004.
- Бонецкая Н.К., *Русский Ницше*, „Вопросы философии” 2013, № 7.
- Брюсов В.Я., *Собрание сочинений*, т. 1, Москва 1973.
- Гиппиус З.Н., *Сочинения: Стихотворения. Проза*, ред. К.М. Азадовский, А.В. Лавров, Ленинград 1991.
- Делез Ж., *Ницше*, послесловие и комментарий С.Л. Фокина, Санкт-Петербург 1997.
- Иванов В.И., *О многобожии*, „Новое литературное обозрение” 1994, № 10.
- Иванов В.И., *Ницше и Дионис*, [в:] его же, *Сочинения*, ред. О. Дешарт, т. 1, Брюссель 1971.
- Иванов В.И., *Собрание сочинений*, т. 2, Брюссель 1974.
- Кузнецова О.А., *История формирования лирической трилогии Блока*, [в:] А. Блок, *Полное собрание сочинений и писем в 20 томах*, т. 1, Москва 1997.
- Максимов Д.Е., *Поэзия и проза Александра Блока*, Ленинград 1981.
- Мережковский Д.С., *Л. Толстой и Достоевский*, [в:] его же, *Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники*, Москва 1995.
- Молчанова Н.А., *Мотив „возвращения” в книге К.Д. Бальмонта „Только любовь”*, [в:] *Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века*, ред. С.Н. Тяпков, Иваново 2002, выпуск 5.
- Ницше Ф., *Вечное возвращение*, „Новый путь” 1903, № 5.
- Ницше Ф., *Сочинения в 2 т.*, ред. К.А. Свасьян, Москва 1990.
- Ницше Ф., *Так говорил Заратустра*, [в:] его же, *Сочинения*, т. 2, ред. К.А. Свасьян, Москва 1990.
- Петров В.В., *Фридрих Ницше и вечное возвращение*, [в:] *Мера вещей. Человек в истории европейской мысли*, ред. Г.В. Вдовина, Москва 2015.
- Соловьев В.С., *Идея сверхчеловека*, [в:] его же, *Стихотворения. Эстетика. Литературная критика*, Москва 1990.
- Троицкий В.П., *Гераклитова „энантиодромия” в космологических образах Серебряного века*, [в:] *Античность и культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи*, ред. Е.А. Тахо-Годи, Москва 2010.
- Фаритов В.Т., *Поэтика и эстетика незавершенного возвращения в творчестве А. Блока*, „Филология: научные исследования” 2016, № 3, <https://doi.org/10.7256/2305-6177.2016.3.18876>.
- Хайдеггер М., *Ницше*, т. 1, Санкт-Петербург 2006.

Ханзен-Лёве А., *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*, Санкт-Петербург 1999.

Ханзен-Лёве А., *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика*, Санкт-Петербург 2003.

Элиаде М., *Космос и история*, Москва 1987.

Юнг К., *Божественный ребенок*, Москва 1997.

Ясперс К., *Ницше. Введение в понимание его философствования*, Санкт-Петербург 2004.

Информация об Авторе

Светлана Дмитриевна Титаренко (Swietłana D. Titarenko) – доктор филологических наук, профессор Кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет.

e-mail: svet_titarenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6981-0664>

Abstract: In the works of Alexander Blok, especially in the initial phase (*White Nights* (1898-1900), *Songs about the Breathing Lady* (1901-1902), *Cherubs* (1902-1904), *Timelessness* (1906)), his presence clearly marks the time as the element of transformation, taking various figurative forms. The most important circular time modes in the work of the Russian symbolist is the eternal time, which contains the memory of both the Platonic idea of time – a dynamic copy of eternity – and the concept of the eternal return of Friedrich Nietzsche. Thus, in the poetic narrative of Blok, there is a discourse between the power of will and the power of eternity, wherein time becomes the wheel of the mystical act after many experienced affirmations. The poet does not understand the eternal return as a negation of time, though he would like to keep it sometimes, or as a timeless eternity. On the contrary, eternity and time function as an inseparable unity for Blok.

Keywords: Alexander Blok, transformation, circular time, eternity, mystical incarnation

Koralek Szankowskiej twierdził, że Aleksander Blok „[...] nie mówił ani o przestrzeni, ani o przestrzennosci, a tylko o smutku, tęsknocie o motywach. Jego twórczości przynosiły chwile nie wzmianki takich kategorii, jak przestrzeń czy czas”. To jednak tylko część prawdy. W twórczości Bloka bowiem, zwłaszcza w jej początkowej fazie (*Białe Nocy* (1898-1900), *Wiersze o Prędnicy Pani* (1901-1902), *Wiersze a Przeglądanie Pani* (1902-1904), *Wiersze o Wierzbownicy* (1902-1904), *Wiersze o Wierzbownicy* (1906)) swoją obecność, zwłaszcza wyraźnie czas jako żywioł trans-

¹ A. Blok, *Wiersze, wybrane i niepublikowane*, [w:] *Wybór*, Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie, t. 1, Warszawa: Wydawnictwo, 1960, s. 103.

² E. M. Чуповский, *Символизм в России*, [w:] *Критический очерк*, Москва 1920, s. 414.